

АНДРЕЙ ПОСНЯКОВ

СУВОРОВЕЦ

Москва

Глава 1

Май 1773 г. Нижнее течение Дуная

Медная луна, повисшая в черном небе, заливала призрачным светом степь и покрытые колючими зарослями кручи, серебрилась в реке смутной дрожащей дорожкой, играла в волнах на плесе. Пахло горькой полынью, перебивавшей запаха всех прочих трав и сладкий аромат цветущих яблонь. Тихо было кругом, однако же тишина вовсе не казалась мертвой. Щебетали в кустах мелкие пичуги, невдалеке, на плесе, всплеснула крупная рыба, а вот забила крылами какая-то ночная птица. Где-то запели цикады, хотя еще был не сезон — всего-то начало мая — и тем не менее вот...

— Ишь, как выводят-то! — любовно погладив засунутый за ремень трофейный турецкий ятаган, восхищенно промолвил Прохор. Ятаган этот Прохор добыл совсем недавно, во время лихой стычки с отрядом сипахов. Сипахи, конечно, не янычары, но тоже — вояки лихие, не то что всякий там местный нанятый сброд — левенды.

— Чи-ки-чи, чи-ки-чи... — сложив губы в трубочку, парень попытался изобразить цикад... Получилось не очень удачно, да еще и старый солдат Никодим Иванович ткнул Прохора в бок. Не сильно, но весьма чувствительно, да шепнул:

— Тихо ты, скаженный! Тсс...

Никодим Иванович приложил палец к губам и неожиданно хмыкнул:

— Все клинок свой таскаешь? От того турка, что на штык взял?

— От него-о, — шмыгнув носом, довольно кивнул молодой. — А что? Пущай не по уставу — так ведь хо-роша саблюка, острая, как бритва.

— Не саблюка это, а нож-переросток, — неожиданно прозвучал позади чей-то голос. Молодой, уверенный в себе и слегка такой... командирский...

— Господин капрал!

Резко обернувшись, Прохор вытянулся и выпятил грудь, увидев свое непосредственное начальство, как здесь, в карауле, так и по службе вообще.

Никодим Иванович грудь не выпятил — ветеранам эдак-то «гнутьяся» не положено — однако улыбнулся: капрала в карауле уважали.

Еще бы не уважать, парень-то из своих, из служивых, и в унтер-офицеры выбился совсем недавно, и не по подхалимству угодническому, а по отваге своей и уму. Выбился... Только не всем это нравилось, были завистники, были...

— Здоров будь, Алексей Василич, — протянув руку, уважительно приветствовал командира старый солдат. — Почитай, с вечера с тобой не виделись... а скоро и утро уже.

— Скоро... Как тут у вас, Никодим Иванович? Спокойно все? — капрал — высокий статный молодец с серо-стальным взглядом, поздоровался, поименовав Никодима по отчеству, с «вичем», что нижним чинам уж никак не полагалось.

— Да здесь-то спокойно, — старый служака довольно подкрутил усы. — А к реке мы и не спускались. Ты же сказал — тебя дожидаться.

— Вот, дождались, — улыбнулся Алексей Васильевич, Алексей Васильевич Ляшин, или просто — Алексей, как его все и звали. — Ну, идемте теперь, глянем — что тут да как...

В карауле капрал не употреблял уставных фраз, говорил по-простому. Да и вообще, на войне много делалось не по уставу. Вот и вчерашним вечером Алексей не заставлял своих пудрить букли да заплетать косы, как по уставу, по форме положено. Ночной караул — не парад, не строевой смотр. Там другое нужно, не букли... Да и у самого-то капрала выбивалась из-под треуголки русая прядь — тоже не напудрился, мукой не обсыпал.

Пошли. Прямо через кусты — к речке, вернее сказать — к протоке. Тихо, ловко так — ни один сучок не хрустнул, ни одна веточка. Даже высокая, по колено, трава — и та, казалось, не шелохнулась. Что и говорить — опыт. Такой опыт, который обычно только с кровью приходит.

Спустившись почти к самой воде, караульные затаились в кустах, прислушались... Тихо...

Чу! Что-то прошуршало вдруг в камышах.

— Крыса водяная, — шепнул Никодим Иваныч. — Тут их страсть как много.

Минут пять все слушали ночь, сидели недвижно. Потом завозился Прохор, поправлял свой трофей...

— Смотри, осторожнее с ятаганом, — Алексей покачал головой. — Пальцы порежешь запросто. С ним и не все сипахи-то могут управиться, а уж левенды...

— Ни-чо, господин капрал. Управлюсь как-нибудь.

Близился рассвет. Поблекла, посмурнела луна, стали бледными звезды, а на востоке, за широкой лентой реки, потихоньку занималась заря.

— Может, и не придут турки-то, — тихо протянул молодой.

Никодим Иваныч усмехнулся в усы и сплюнул:

— Не-е, Проша, придут. А уж коли придут — так как раз сейчас. Самое время!

— Сон сейчас самый крепкий, — пояснил для молодого капрал. — Пока темно еще... Но и рассвет близок. А посветлу легче уйти.

Снова что-то шумнуло в камышах. Где-то совсем рядом дружно закрикали утки.

— Тсс!

Алексей напряженно прислушался. Покусал губу, обернулся к ветерану:

— Никодим Иваныч... слышал?

— Вроде как железяка звякнула.

— Да не! — жарко зашептал Прохор. — Рыба плеснула... так было уже.

— Рыба... да не рыба... — старый солдат вытянул шею. — Слышите? Вот снова... Как будто ведром воду зачерпнули... или котелком.

Над рекой уже начинал клубиться туман, как бывает перед погожим днем — а дни нынче стояли жаркие. Непонятный звук доносился с той стороны протоки... кто там мог быть? Да и был ли? Вполне могло и показаться, да. Может, и вправду рыба.

Караульные затихли — по воде-то звуки разносятся далеко и быстро. Тем более ночью, да еще под утро. Слушали напряженно, Проша аж рот открыл от усердия.

Вот снова!

— Может, это водоносы — сакка?

— С чего бы им ночью-то?

— Весла это, ребята! — сплюнув, Никодим Иваныч пригладил усы. — Гребет кто-то!

— И гребет осторожно, — сиплым шепотом протянул капрал. — Чтоб никто не услышал... Ну что, парни? Дождались!

Азартно потерев руки, Алексей хлопнул Прохора по плечу:

— Давай-ка живенько пробегись по всем нашим. Чтоб были готовы... Как договаривались, ага.

— С ружьями, господин капрал?

— С ружьями, ага! Сказал же — как договаривались. Помните — начинать по моему выстрелу.

Ловкая фигура молодого солдата тут же скрылась во тьме — только фалды кафтана мелькнули. Хмыкнув, Алексей вытащил из-за пояса пистолет. Трофейный, турецкий, изукрашенный серебряной арабской вязью. Пистолетами в те времена пользовались многие — особенно в коннице. Куда уж удобнее, чем даже укороченное ружье — карабин. Однако, как и ружье, перезаряжать все же долго — потому и использовались пистолеты обычно парой, парой и покупались, и очень даже прилично стоили. Капралу пистоль достался в бою — один, без пары. Уж как вышло.

— Ага-а! Вот они, субчики!

В дрожащем свете луны вдруг поднялись от реки такие же призрачные неслышные тени. В тюрбанах, в широких коротких штанах, в удобных для боя камзолах-субунах. Турки! Дюжины две. С саблями наголо! У многих — пистолеты и короткие ружья.

— Явились, субчики! Явились... — взвоя курок, негромко промолвил капрал.

Светало. На небольшой полянке рядом с протокою — всего ничего идти — мирно махали хвостами стреноженные кони. Здесь же стояли походные армейские палатки —

три штуки — и один небольшой шатер с узорчатым пологом. Сразу за палатками виднелось с десяток телег и две арбы на больших тонких колесах. И телеги, и арбы были заботливо укрыты рогожками — видать, ценный груз. Обоз! Что там? Провиант? Боеприпасы? Оружие? Да, именно так. Может даже всего понемногу. Такой — пусть даже и небольшой — обоз и охранялся солидно: пятеро часовых на ночь выставлено. Двое сейчас грелись у небольшого костерка, трое маячили за телегами. Хорошо так все, благостно. Светлеет на востоке небо. Хмурится, бледнеет луна. И тихо кругом — лишь пичуги в кустах, да потрескивает в костре хворост.

Тишину турки не нарушали. Лишь так, чуть-чуть. Только вдруг — почти разом — просвистели в воздухе стрелы. Впились в часовых — тоже почти что разом, и не одна — а сразу несколько.

И тотчас же прозвучал гортанный крик турецкого командира — эфенди. Нападавшие разом бросились к палаткам, к шатру — грянули выстрелы, взрезали ткань шатра острые турецкие сабли...

— Алла и-иль Алла-а-а!

Жарко засвистели пули. И стрелы... И нож кто-то из нападавших метнул...

Только вот...

Часовые-то что-то не падали!

Как сидели у костра, так и сидели — со впившимися стрелами. Да и те, что за телегами...

Ва, Аллах! Что же это такое-то? Это не люди, что ли? Их убили, а они... Кто это — это живые покойники, пьющие кровь мертвецы?

Да нет, не мертвецы — чучела!

Чучела, набитые сеном. Таких обычно ставят на полях — отпугивать птиц. Да и палатки и шатер — пусты!

Засада! Вай, шайтан... Засада, ага!
Турки поняли это слишком поздно...
Грянул пистолетный выстрел...
И тут же — ружейный залп!

Встали, всколыхнулись над густой травой черные солдатские треуголки. Грозно блеснули штыки... Разорвали округу выстрелы — вырвалось из ружей грозное пламя, и кислый пороховой дым вмиг окутал поляну.

Пятнадцать ружей — залпом. Почти в упор, разом...

В десятке обычно случается больше десяти солдат. Капрал еще. Еще вот мальчишки — барабанщики да кантонист — напросились. Тоже с фузеями-ружьями. Барабанщики — с трофейными, тяжеленными, старой французской системы. С таким ружьем не просто управиться. Но старались ребята. Да и расстояние-то — тьфу!

Наверное, турки все же были наемниками — левендами, но хорошо обученными, умелыми. Иных в этот рейд и не взяли бы. Всего около двух десятков, да...

Большую часть сразил первый же залп. Кто-то упал убитым, кого-то ранили...

Перезаряжать ружья уже было некогда. Да и дым...

— А ну, братушки! — возникший из порохового дыма капрал, бросив разряженный пистолет, выхватил из ножен трофейную турецкую саблю. В рукопашном бою уж куда лучше, чем хиленькая офицерская шпага.

— Пуля — дура, штык — молодец! В атаку, братцы!

Вырвалось из глоток неистовое «ура», пусть не такое уж и громовое, но это уже было не важно. Пуля — дура, штык — молодец... Молодцы в зеленых мундирах бросились в штыковую...

— А ну — коли! Раз-два...

— Р-раз!

— Алла-и-и-и!

Турки бились отчаянно, словно голодные тигры. Однако нынче не им сопутствовала удача, и удача — тщательно подготовленная.

— Ур-а-а-а-а!!!

Штык врагу в брюхо! Получа-а-ай! Увернулся? Саблей отбил? А вот попробуй-ка приклада! Н-на!

После такой атаки обычно наемники бежали или сдавались в плен. Тем более провинциальные капылы. Разбежались и эти. Кто смог, кому повезло. Кому повезло не очень — сдавались в плен. Все, кроме одного — молодого усача-командира — эфенди. О, этот горячий парень вовсе не собирался сдаваться, нет! Ухмылялся, гордо сверкая очами — синими, как весеннее небо. Крепкие башмаки с модными французскими пряжками, синие чулки, короткие широкие штаны, как у янычар. Темно-красный, шитый золоченой нитью камзол, черный кожаный пояс с бляхами. Тюрбан, видно, сбило пулей — рассыпались по плечам черные кудри. Этакий турецкий д'Артаньян! Щеголь, привыкший убивать.

Тяжелый, жаждущий крови клинок покачивался в руках, словно готовая к броску кобра.

— Эй, эфенди! Сдавайся! — крикнул Никодим Иванныч.

О, не на того напал! Скосив глаза, турок лишь презрительно скривился — вот еще, разговаривать с нижним чином.

Плюнул, выругался по-своему, по-турецки, и по-русски спросил:

— Где ваш командир? Если не трус... Давай!

Выкрикнул и махнул саблей. Уже почти совсем рас-
свело, над протокою и дальше, над Дунаем-рекой, клу-
бились тающие клочья тумана.

Что ж... раз уж требует командира... Негоже празд-
новать труса, негоже!

— Ну, я командир, — сбросив кафтан, Алексей по-
удобней перехватил саблю.

Турок церемонно поклонился:

— Я — Мустафа Эльчин-эфенди, левенды лейте-
нант. А вы кто?

— Капрал Ляшин, унтер-офицер...

— Всего лишь унтер? — скривился «д'Артаньян». —
Ну что ж... Это вы задумали засаду?

— Да.

— Весьма неплохо. Что ж... Приступим... Апп!

Со звоном скрестились клинки... Заскрежетали...
Турок ухмыльнулся — он явно был хорошим бойцом,
«опытным бретером», как сказали бы в дворянских
кругах. И этот «опытный бретер» почуял добычу! Со-
перник вдруг показался ему слабым. Да не показал-
ся — так оно и было. Не так уж и виртуозно Алексей
Васильевич Ляшин владел клинком. Нет, для боя хва-
тало... но для такой вот дуэли с разными изящными
выпадами... хотя сабля — оружие не изящное, но все-
таки...

Турок вновь произвел выпад, разрезав сопернику
правый рукав... Потом — тут же — левый... Играл, слов-
но кошка с мышью!

Выпад... Отбивка... Рубящий модный удар!

Отбив! Контратака...

Надо было срочно что-то придумать...

Алексей придумал...

Улучив момент, просто упал. Упал в смятую траву, раскинув руки и выпустив саблю... Турок тут же подскочил, замахнулся...

Однако Ляшин ведь не зря падал...

Ловкая подсечка!

И вот уже соперник — в траве!

Вскочить — и кулаком ему в челюсть — оп! И еще раз!»! И еще... еще... еще...

— Ну, ну, Лексей Василич, уймись! И так басурмана изгваздал в кровь...

— А...

Отмахнувшись, капрал поднялся на ноги. Кто-то заботливо накинул ему на плечи кафтан, темно-зеленый, с красными фалдами и витым шнуром Астраханского полка на погоне.

— Этого — к остальным пленным, — взглянув на поверженного «д'Артаньяна», распорядился Ляшин.

Никодим Иваныч довольно кивнул:

— Сделаем! Эй, Прошка... Пойдем-ка, Алексей Василич, к костерку... О-от... попей вот чайку, да... А мы тут пока осмотримся, сладим...

— Там же лодки!

— Да побросали их басурмане — трофей. Ты пей, пей, Василич... О-от... — Никодим Иваныч уселся рядом и раскурил трубку. — Ты вот что... Другой раз с чертями этими рубиться не лезь. Просто возьми, да пристрели черта. Ну, сам не хочешь — мне мигни. Мы-то из крепостных, из крестьян, всякому политесу не обучены. Оп — и разом.

— Мигну, Иваныч! В следующий раз обязательно мигну.

— От и ладненько. А в морду ты басурману славно приложил, одобряю!

* * *

— А ну, давай, давай, Леша, рассказывай! Да не журись — победителей не судят, а мертвые сраму не имут!

Новый командир Астраханского полка, недавно прибывший генерал-майор от инфатерии Александр Васильевич Суворов, выйдя из походного шатра, хлопал дожидавшегося капрала по плечу. Ухмыльнувшись, уселся на вынесенное суровым денщиком креслице, вытянул ноги к костру. Невысокого роста, узкоплечий, всегда улыбчивый и веселый, новый командир солдатам и офицерам нравился. Генерал-майор любил шутку, не брезговал простой солдатскою кашей, а пуще того — все делал для того, чтобы солдаты знали, как действовать в бою. Лично учил, рассказывал, а то и показать мог. Ну, конечно, любил почудить, не без этого — то поутру поет петухом, кукарекает, то прямо ночью сиганет в речку — купаться, а то переоденется в солдатский мундир да прикинется рядовым служакою, особенно когда кто-то его ищет по какому-нибудь начальственно-важному делу. Совсем вот недавно так попался один вестовой, посланец самого главнокомандующего, фельдмаршала Петра Румянцева. Суворов как раз прикинулся простым солдатиком, переоделся, а тут и вестовой! Где, говорит, господин генерал-майор? А генерал-майор ему: «А пес его знает! Может, валяется где-то пьяный, а может, кукарекает петухом, бог весть!» Осерчал вестовой — ты как, мол, посмел, сучий потрох, так вот о командире своем отзываться? Вот ужо посейчас палкой тебя попотчую, будешь вдругорядь знать!

И впрямь едва не попотчевал — насилу убежал Александр Васильевич. Переоделся, вестового принял — а тот его и узнал, сконфузился... Суворов же